

Глава 12

Мин Яо постучал, но, не услышав ответа, сам открыл дверь в комнату Лин Чжи.

Из-за затянувшихся дождей утро выдалось пасмурным, и в помещении царил полумрак.

Шторы были раздвинуты лишь наполовину. Одеяло доходило Лин Чжи до самой шеи; он лежал на боку, и половина его лица тонула в мягкой подушке, а волосы были в лёгком беспорядке.

«Какой же он маленький», — пронеслось в голове у Мин Яо.

Впрочем, Лин Чжи нельзя было назвать миниатюрным — взрослый мужчина, пусть и худощавый, но высокий. Однако сейчас, укутанный в огромное одеяло, он производил впечатление хрупкой беззащитности, вызывая странное желание одновременно оберегать его и играть им, словно диковинной вещицей.

С этим необъяснимым чувством Мин Яо подошёл к кровати и тихо позвал его по имени.

Ресницы Лин Чжи дрогнули, он, казалось, попытался открыть глаза, но так и не смог, лишь промычал что-то в ответ сквозь заложенный нос.

— Я вызову врача.

Мужчина коснулся тыльной стороной ладони лба Лин Чжи. Ощувив обжигающий жар, он слегка нахмурился.

Он уже собирался достать из кармана телефон, но не успел убрать руку — её перехватила ладонь Лин Чжи.

Сгорая в лихорадке, юноша, казалось, жаждал прохлады. Он прижал ладонь Мин Яо к своей щеке и с явным облегчением потёрся о неё.

Мин Яо застыл. Онемение волной прошло от кончиков пальцев вверх по руке, и на мгновение он почувствовал, будто конечность ему не принадлежит.

С трудом сохраняя неподвижность, он другой рукой достал телефон и вызвал врача. Взгляд его был прикован к собственной руке, пленённой Лин Чжи, и лишь спустя долгое время он медленно попытался высвободиться.

На этот раз его не удерживали, но Мин Яо услышал, что юноша что-то шепчет. Голос был слишком тихим, и, чтобы расслышать, пришлось наклониться ниже.

В тот самый миг, когда он приблизился, Лин Чжи перевернулся, перекатившись с боку на спину, и его губы, пересохшие от жара, скользнули по щеке и уголку рта Мин Яо.

Шершавое прикосновение оказалось до странного отчётливым. По коже головы пробежал холодок, в ушах зазвенело, и даже само время, казалось, замерло на секунду.

Он так и не разобрал, что прошептал юноша. Мин Яо неотрывно смотрел на его губы, и во взгляде читалось глубокое изумление.

«Неужели... ни отвращения, ни отторжения?»

Из-за физических недостатков и психологических проблем Мин Яо всегда ненавидел чужие прикосновения. Когда Лин Чжи в первый раз лёг в его постель, он, хоть и не коснулся его, всё равно испытал сильное неприятие. Так почему не сейчас?

Из-за простуды и жара нос Лин Чжи, должно быть, был заложен, и он дышал ртом, с трудом втягивая воздух, который по дыхательным путям попадал в лёгкие.

Его губы были слегка приоткрыты. Лицо, обычно сияющее невинной улыбкой, теперь было отмечено печатью болезни, а губы, утратив свой цвет, выглядели тусклыми и вызвали жалость.

«Возможно, отсутствие отторжения — всего лишь иллюзия. Нужна ещё одна проверка»

«Только проверка», — прошептал голос в его голове.

Лин Чжи спал совсем близко к краю кровати, совсем близко к нему.

[Хост! Кажется, он собирается тебя поцеловать! Ты потрясающий!] — не удержался от восторженного визга 01.

Система была уверена: это полный захват. Не зря Хост отправлял сообщения не до конца. Даже больной, он продолжал работать с полной отдачей! 01 хотел было ещё что-то добавить, но, прочирикав своё, обнаружил, что Лин Чжи окончательно провалился в глубокий сон, находясь в бессознательном состоянии.

Простое касание, казалось, ничего не прояснит. Раз уж это эксперимент, нужно получить более точные данные.

Мин Яо опустил взгляд и решительно углубил поцелуй.

И без того разреженный воздух был вытеснен и сжат. Подсознательная попытка оттолкнуть его обернулась лишь вынужденным и тесным сплетением.

Сдавленный стон, вырвавшийся из горла, был продиктован инстинктом самосохранения. Потребность в кислороде заставила юношу открыть глаза. Раскрасневшиеся от жара, затуманенные, они смотрели растерянно и непонимающе.

Это зрелище вывело мужчину из состояния одержимости. Он с силой стиснул пальцы.

Воздух снова хлынул в лёгкие, и глаза Лин Чжи закрылись, вновь погружаясь в тяжёлую дрему.

Его сухие губы были увлажнены и приобрели неестественно яркий, алый оттенок.

Мин Яо замороженно смотрел на них ещё какое-то время, прежде чем резко отвести взгляд.

События свернули с намеченного им пути и устремились в неконтролируемом направлении.

Он не просто поступил подло, воспользовавшись чужой беспомощностью, не просто нарушил им же установленные правила, мрачно переступив черту, — ему захотелось ещё раз увидеть, как глаза Лин Чжи наполняются слезами от неспособности вынести происходящее.

Мысли неудержимо скатывались в опасную пропасть, балансируя на грани между разрушением и собственнической нежностью, наполняя сознание неведомым, пьянящим удовольствием.

Взгляд Мин Яо стал тяжёлым. В нём схлестнулись инстинкт и разум.

Мысли металась в голове, разрываясь между желанием приблизиться и необходимостью отступить.

Одна часть подталкивала его вперёд, другая требовала сохранять статус-кво и пресечь любое вмешательство.

В дверь постучали. Приехал семейный врач.

Мин Яо, собравшись с мыслями, вновь надел свою привычную маску.

Благодаря жаропонижающему уколу температура у Лин Чжи спала быстро.

Он проспал очень долго и крепко. Когда он проснулся, небо за окном всё ещё было хмурым, словно только что закончился дождь.

Лин Чжи потёр виски и взглянул на часы: двенадцать минут третьего.

Он сел на кровати, чувствуя во всём теле лёгкую слабость — обычное состояние после болезни.

Юноша коснулся губ и спросил у 01, как Мин Яо отреагировал на его прикосновение.

Когда Мин Яо вошёл в комнату и позвал его, Лин Чжи был ещё в сознании и решил воспользоваться моментом, чтобы проверить его, нащупать границы.

Он предполагал, что мужчина, скорее всего, не сможет этого вынести, и даже был уверен, что сможет предугадать ход его мыслей.

01, едва ли не захлёбываясь от восторга, с невероятным воодушевлением пересказал ему всю сцену.

[Он сначала замер на какое-то время, а потом поцеловал тебя! Так, что ты задыхаться начал! Хост, ты открыл глаза, но ничего не помнишь?]

Лин Чжи действительно ничего не помнил, о чём внутренне пожалел. Всё-таки это был его первый поцелуй... и, надо полагать, Мин Яо тоже. А он даже не распробовал.

Впрочем, поступок мужа его несколько удивил. По идее, прогресс не должен был быть таким быстрым.

«Расскажи-ка мне подробнее о его склонности к саморазрушению», — попросил Лин Чжи.

Он помнил слова 01 о том, что, хотя у миссии и нет временных рамок, объект может покончить с собой из-за своих деструктивных наклонностей. Пока что Лин Чжи не замечал у Мин Яо никаких признаков апатии к жизни, но психические заболевания не всегда проявляются внешне, особенно у людей с таким характером.

Если в один прекрасный день Старейшина Мин уйдёт из жизни, не исключено, что Мин Яо, почувствовав, что его больше ничто не держит, совершит самоубийство.

[Проще говоря, у всех объектов миссии серьёзные психологические проблемы. Мысли о саморазрушении постоянно присутствуют в их сознании. Они хотят жить, но не могут противостоять давлению патологических идей. Система Искупления почувствовала их жажду жизни, поэтому мы с Хостом здесь, чтобы спасти их!]

Лин Чжи всё понял. Мин Яо и так уже был в его сетях, а проверка, вероятно, попала в самую точку — затронула то ли жажду жизни, то ли жажду плоти. Как бы то ни было, теперь тот не сможет так просто его оттолкнуть, и он сможет глубже проникнуть в его личное пространство.

Однако, учитывая состояние объекта, Лин Чжи решил, что стоит немного скорректировать план, чтобы не переиграть.

С одержимым человеком и так непросто. А одержимый девственник — тем более, с ним будет куда сложнее. К тому же он сам его спровоцировал. Что ж, видимо, это та сладкая ноша, которая прилагается к охоте на столь аппетитную дичь.

Лин Чжи мысленно вздохнул и, улыбнувшись, отправил сообщение кухарке, чтобы та приготовила еду.

Узнав, что Лин Чжи проснулся, Мин Яо отложил телефон.

Он впервые за долгое время отвлёкся от работы, размышляя, что бы привезти Лин Чжи вечером в качестве подарка, чтобы подбодрить больного.

Подумав, мужчина понял, что не знает, что дарить.

Лин Чжи нравились дорогие вещи, подчёркивающие статус. Но дарить ему предметы роскоши просто потому, что он выздоровел, было бы странно не только для самого Лин Чжи — Мин Яо и сам понимал всю нелепость такого поступка.

Борьба между «вперёд» и «назад» в его голове продолжалась. Он решил пока отложить её и сосредоточиться на подарке.

Полчаса спустя Старший специальный помощник вошёл с документами и сообщил, что Лин Чжи приехал в компанию.

— Он же болен, — нахмурился Мин Яо.

— Да, выглядит он неважно, — поддакнул помощник.

«Откуда мне знать, почему госпожа пришла на работу? Я ведь и о болезни-то узнал от самого босса», — мысленно посетовал тот.

Мин Яо просмотрел документы и поставил свою подпись. Мысли о подарке улетучились,

уступив место другому вопросу: стоит ли вызвать Лин Чжи на разговор?

«Знает ли он... о том, что я сделал? Он приехал, чтобы спросить об этом?»

Внезапно Мин Яо почувствовал, что был бы не прочь, если бы Лин Чжи знал. Тогда двум голосам в его голове не пришлось бы больше спорить. Какова будет его реакция? Насмешка и обвинения? Или нечто иное?

Он уставился на дверь. Прошло десять минут, но ничего не происходило. Внутренний телефон молчал. Лин Чжи не искал с ним встречи.

Мин Яо позвонил Старшему специальному помощнику и велел ему известить команду самого важного на данный момент проекта о срочном отчёте по текущему прогрессу.

В компании все давно привыкли, что начальник не терпит расслабленности в работе, поэтому, получив уведомление, все немедленно начали готовиться к совещанию.

Выйдя из кабинета, Мин Яо взглянул на Лин Чжи, сидевшего на своём рабочем месте, и велел ему идти на совещание вместе со всеми.

Хотя этот проект не имел к нему никакого отношения, Лин Чжи с готовностью согласился.

Он чувствовал на себе почти невесомый взгляд Мин Яо, но делал вид, что не замечает этого.

«Выглядит и впрямь неважно. Надо было сначала как следует отдохнуть», — подумал мужчина.

На лице юноши не было никаких лишних эмоций, а значит, он ничего не помнит.

В памяти Мин Яо всплыл пустой взгляд Лин Чжи, покрасневшие уголки глаз и приоткрытые губы. Он непроизвольно сжал руку, лежавшую сбоку.

Лишь когда совещание закончилось и вокруг никого не осталось, Мин Яо как бы невзначай спросил:

— Почему ты не дождался полного выздоровления?

— Профессиональная преданность, — с улыбкой ответил Лин Чжи. — И ещё, мне нужно кое-что с тобой обсудить.

Сердце Мин Яо бешено заколотилось, но внешне он остался спокоен.

— Поговорим у меня в кабинете.

Зал для совещаний — не лучшее место, здесь были камеры.

Лин Чжи впервые за долгое время вошёл в кабинет Мин Яо. Офис, выполненный преимущественно в чёрно-серых тонах, производил такое же холодное и строгое впечатление, как и его владелец. У стены стоял книжный шкаф, а рядом с ним — диван-кровать.

— Надеюсь, ты не будешь против, если я сяду здесь.

Лин Чжи указал на диван, очевидно, предназначенный для хозяина кабинета, и направился к нему.

Это было уже некоторым нарушением границ, но для Лин Чжи такое поведение было в порядке вещей.

Мин Яо молча согласился, ожидая, что тот начнёт разговор.

— У тебя отличный диван. Удобнее, чем дома, — Лин Чжи надавил на него ладонью и посмотрел на собеседника. — На нём, должно быть, очень хорошо спится.

В этот миг спор в голове мужчины прекратился.

Один взгляд, одна фраза Лин Чжи — и исход был решён.

<http://bllate.org/book/15821/1423608>